

Семья Мартыновых

Дорогой моей Ирине!

Пишу при свете слабой лампочки и думаю о тебе. Представляю твое милое лицо. Знаешь, мне тебя так не хватает... Ну, давай не об этом. Как вы там, без меня? Как там Андрейка? Надеюсь, он не совсем отбил от рук! А то как там! И ремня никто не даст. А наша маленькая Танечка? Мой веселый зайчик! Солнышко по утрам напоминает мне ее... А Дашенька? Ласточка моя дорогая! Читает свои умные книжки? Скажи, пусть читает вслух. Я буду слушать ее во сне... Ну, собственно, не об этом... Ты передай им от меня, что я их люблю и скучаю. Мне очень хочется их обнять... Это я сделаю в первую очередь, когда вернусь! Если вернусь, конечно... Здесь идут страшные бои. Тот мальчик, Марина, с которым наш сын всегда играл и от которого ты всегда отгоняла... Ну, в общем... Ты помогай ему, чем можешь. Помер его отец. Пуля в голову попала, а потом вторая в грудь. Смертельные ранения... Он особо не страдал... Ты ему не говори, он вскоре и сам узнает. Хороший был человек, жалко...

Бои идут беспрестанно. Мы не спим ночами, а если и спим, то под чем попало, и на чем попало. Ну, я пока живой, держусь! За меня вы не волнуйтесь, я вроде как удачливый... Хотя знаешь... Я понял одну военную истину – если меня пока что не убили, то кто-то умирает за меня... И как-то жутко становится... Вчера вот отец этого мальчика, завтра еще кто-то. Вот бы этот кошмар кончился...

Со мной в общем все хорошо, пока здоров. Правда, тут пуля шальная мне руку повредила, но это так, царапина... Конечно, ты бы сейчас ужаснулась, если б увидела, но знаешь... Я тут такого посмотрелся, что уж меня теперь ничто не пугает. Об одном только я мечтаю – чтоб мы убили этих зверей, паразитов, тварей, как их назвать, не знаю! И этого, главного их! Заколю ведь к чертовой матери его! Пусть сдохнет худшей смертью, фашист проклятый! Урод недоделанный!

Трудно, Ирочка, трудно, но ты помни меня, жди! Я вернусь, Иронька, вернусь! Ты только верь! Пиши мне. Твой Денис.

Ирочка!

Получил твое письмецо! Так рад, что вы живы! Встретил брата Ануфриевых. Он у нас был проездом, в госпитале лежал. Раны страшные, очнулся только на второй день. Бредил. Не сразу меня узнал. А как узнал, так расплакался, как мальчик. Ты не подумай, солдаты тоже плачут. Да и есть о чем: семью у него всю бомбой убило. Он один жив остался. Да может и младший самый жив, только теперь его искать негде. Говорит, сосед на письмо ответил. Он как получил, так сон потерял. Такое бывает. Люди здесь, те, кто не выдерживает, перестают спать, говорить, даже ходить. Вот одна санитарка здесь тащит меня с поля боя. Пуля в голову попала. Только снова несильно, царапина. Только меня все равно в лазарет отправили. Так вот эта сестра, которая меня тащила, вообще немая была. Подруга ее говорила, что до войны разговаривала, а как пришла на фронт, так и разучилась. Вот, что делает с людьми война....

Как вы там, дорогие мои? Детишки, знайте, вы со мной всегда! В моем сердце! Я всегда вспоминаю ваши милые любознательные глазки... Скучаю по вам сильно-сильно! Кажется, что когда я увижу вас, то все пройдет: и боль, и печаль, и все живы будут. Вы всегда мне снится. Как будто бежите по солнечному полю и смеетесь. Иногда так трудно потом просыпаться... Глажу вас по вашим взъерошенным макушкам... и снова иду в бой. Пишите мне... Прошу вас! Ваш любящий отец и муж Денис.

Ирочка!

Я подумал: как же хорошо, что ты есть! Знаешь, тут идут ужасные бои. А нашего командира, знаешь, в голову пулей убило. «А молодого командира несли с пробитой головой...». Как про нас. Хороший ведь парень был. Душевный. На гармошке играл, песен много знал. Двадцатилетний, а был нам как отец... Жаль его. Хотя уж вроде кажется, что не первый день такое, не он один-то...Да все как-то не по себе...

Трудно, Ирочка, трудно! Знаю, что и вам там нелегко. Но чем больше мы будем верить в победу, тем быстрее она придет... Какое это слово «победа»... У него такой сладкий привкус, но, как ни странно, железа и крови. Ты, Ирочка, живи, живи, несмотря ни на что! Береги ребят! Я хочу чтобы они выросли настоящими людьми! Они должны помнить все, чтобы потом хранить в своем сердце Родину! Пусть они будут жить! Несмотря ни на что! Я хочу видеть их героями!

Трудно писать, Ирочка. Осколок. Ну ты понимаешь все. Живи... Твой Денис.

Семья Сазоновых

Дорогая мама!

Мы приехали на фронт. Здесь столько наших! Ты не представляешь: Алешка, Михалыч (который к нам приходил картошку пропалывать), Денис, сосед наш, Мартынов, ну и много кого еще. Здесь не так страшно, как казалось вначале... Ты же помнишь, как все говорили, что «война, на войне сходят с ума...» ну, и все остальное. Трудно, правда, судить, потому что в бою я пока не был. Но я видел раненых. Ужасно раненых... И санитарок. Это худенькие маленькие девочки, которые должны тащить с поля боя таких, как мы, мужиков! Да еще и с личным оружием... Говорят, они смелые... Ну, это мы узнаем в первом бою.

Командир наш попался ух какой злой! Орет, кричит зазря. Как мы с ним уживемся – не знаю.

Что ж, мне пора, матушка моя Агата. Как говорится, труба зовет! С любовью, твой Женя.

Мамочка!

Побывал в бою. Страшно, мама! Пули летят со всех сторон, командир орет, атака, еще одна, отступаем, наступаем... Кружат самолеты, летят бомбы – носу из окопа не высунешь! Был у нас тут один малец, рассказал мне, что семнадцати лет, соврал, чтобы на фронт взяли... Говорит, все равно делать больше ничего не осталось... Была у него семья, как назло, все меньше его, а тут родителей не стало... Как теперь? Так он главой семейства стал... А ведь лет ему меньше, чем соседу нашему, Игоряшке...А потом младших всех перебили, его самого вышвырнули на улицу, он один остался... Я бы никогда не хотел, чтобы с нашими детьми приключилось нечто такое... Так этот малец теперь...за родными ушел... Нету его. Рядом стоял, я отвернулся, а тут поворачиваюсь – лежит. Лежит и маму зовет. А в груди у него дырка...

Детишки мои! Вы не представляете, как тут без вас плохо... хотя нет. Лучше бы вы такого никогда не видели. Никогда не забуду, как малец маму звал... Может, в следующем бою убьют и меня... и никогда вы обо мне больше не услышите. Вы вспоминайте меня там хоть иногда...и пишите... ваш папа и сын Женя.

Мама! Ребятки мои!

Никогда, никогда не поверил бы в то, что фашисты – люди! Но теперь... Они даже не звери, а черти, пожирающие человеческую плоть! Хотя трусливей их может быть только... Да они во много раз трусливее наших девушек-санитарок! Едем мы по полю, в машине Красного Креста. Меня немного контузило, но могло быть и хуже. Вдруг слышим – самолеты в небе. Глянули – мессеры. Ну мы особо не волновались, потому что бомбить машину Красного Креста люди не будут. Но людские правила ведь чертей не касаются! Начали бомбить нас, раненых! А сестра там – бойкая девка. Тут же поняла что к чему, научила нас, что делать, так мы вышли из машины и кто как мог, до леса добрались, а в лесу нас и не видно. Только девчонку там эту ранило. Но она, вся в крови, и как ни в чем не бывало, повела нас через лес к ближайшей деревне. Мы-то дошли, а она – нет. Хоть сильная и смелая, а все же девчонка... Всех нас поддерживала, шла из последних сил, а потом споткнулась и упала. И больше не встала.

А лет ей было как вам, дорогие мои детишки. Маришей ее звали... Никогда бы вам не видеть этого...Пусть хоть ценой своей жизни, но я отгорожу вас от этого, как смогу. Обещаю. Женя.

Семья Кудрявцевых

Братья, сестры! Прочитайте это письмо вслух, я хочу, чтобы Рита его услышала и ей не пришлось бы читать его! Помогите сестре!

Здесь все не так плохо, хоть и очень серьезно. Командир наш – человек... ну как я. Добрый, он нам как отец, но и как дитя. Ему едва исполнилось восемнадцать, но все мы уважаем его. Говорят, он был ранен в первый день войны. Хотел стать сыном полка (это такие ребята маленькие, как мы, только у них вообще ничего не осталось – ни дома, ни семьи, а пришел полк и усыновил оборванца! О как!) но он умный больно, понравился тамошнему генералу и вот.

Правда...(я долго не хотел об этом писать, но должны же вы все знать, куда вы меня отпустили! Но тут правда не до шуток...) мне приходится видеть здесь смерть каждый день... Рядом есть лазарет, и оттуда доносятся стоны раненых. И слова сестер. « Ничего, у тебя все будет потом: и дом, и семья, ведь там, куда мы направляемся, больше нет войны, там мир и покой»...Так они говорят умирающим... Не услышать бы над собой такие слова...Хотя, если и услышу, то обязательно напишу! Нет, нет, вы потом...потом сами все узнаете... Я видел эти письма... Они треугольные и в каждом письме пишется только имя. Пишите мне. Потому что мне остается только одна надежда – чтобы там не было моего имени. Игорь.

Рита!

Только сейчас я понимаю, какую ответственность ты несла всегда! Ты многое мне прощала и следила за мной, как за маленьким! Обещаю, когда вернусь, я буду заботиться сам о тебе и о младших! Никогда не брошу вас! Я никогда и не думал, что может быть еще хуже... Теперь, когда вас всех нет рядом, я чувствую, что если я умру, все будет только хуже. Риточка! Как же ты там без меня! Если эти мелкие себя плохо ведут, ты только напиши, я им... Нет, Рита, теперь я стану правда взрослым. Я тебе обещаю! Таким серьезным я не был никогда. Знаешь, раньше я думал, что нет ничего страшнее смерти наших родителей. Только ты никому не говори... Но теперь я увидел смерть тысячи, миллиона людей, если не больше! Никогда бы не думал, что кровь может заставить меня закрыть глаза. Но теперь это так. Осколок попал мне в голову, повязку сестра меняет каждые три часа. Знаешь, сейчас я бы хотел, чтобы ты никогда меня такого не увидела... Я

бы правда хотел, чтобы это прочитала только ты... Я не хочу лишать детей их лучшего времени... Я уже видел здесь поседевших ребят... Я не хочу, чтобы вы стали такими... Игорь.

Дети!

Пишу теперь только вам. Я знаю, Рите сейчас трудно это читать, так что, пожалуйста, не рассказывайте ей, что было в этом письме. Ей сейчас не надо это знать. Довольно того, что со мной все более-менее хорошо. Я пишу вам потому, что здесь мне сказать это некому. Дело было так.

У нас была одна сестра, которая каждые три часа меняла мою повязку. Она всячески лечила меня, помогала мне. Мы с ней в свободное время долго разговаривали. Время шло, а мы все больше времени проводили с ней наедине. Потом мы поклялись друг другу в том, что если мы доживем до конца, то обязательно поженимся. Я стал рисовать с нее портреты, но это уже не важно. Может, пришлю вам один.

Меня выписали из госпиталя и сразу же отправили в бой. А тут она. Не успел ей крикнуть, чтобы она обратно уходила, как подхватил пулю в ногу. Так она как кинется за мной! Я ей кричу, что-то невнятное и очень грубое, как вдруг... Видел бы я глаза этого уroda-фашиста! Выковырял бы своими ногтями!.. Она упала, как подкошенная. Я полз к ней из последних сил. Оттащил куда-то подальше. Говорю ей «Живи, Леночка, держись! Я здесь, рядом! Не бросай меня одного!», а она мне сказала только «Я всегда теперь с тобой!» и ... Нет ее. Но она обещала быть всегда со мной...

Эти гады фашисты отобрали у меня все! Я никогда не прощу им гибель Леночки! Она года на два была меня младше... Гады, твари, уроды! За каждый волосок у нее на голове они поплатятся тысячами солдат! Они еще миллионы раз пожалеют о том, что пришли на нашу великую землю!

Теперь я не думаю, что вы будете против, но эта молодая девушка на рисунке будет членом нашей семьи.

Прошу вас, дети, ничего не говорите Рите. Придет время и я сам скажу ей о Лене. Мне не хотелось бы, чтобы она думала, что Лена заняла ее место в моем сердце. Нет. Просто теперь они будут жить там вместе с вами. Прощайте. Ваш Игорь.

Семья Фадеевых

Валенька! Детишки!

Нас привезли на точку. Почта сначала работала слабо, но потом почтальоны, видно, как-то изловчились и стали быстрее провозить почту. Дела у меня пока идут нормально, сердце как будто и болеть перестало, когда я сюда приехал, а кашель... ну он у меня всегда был. Завтра иду в первый свой бой! Дети, в бою, я обещаю, буду думать только о том, что каждый подстреленный мной немец не доберется до вас, потому что будет мертв! Я уверен, что мы прорвемся! Все, не могу дальше писать, труба зовет, как говорится! Ваш Дима.

Дети! Валюша!

Ваша любовь и то, что вы помните обо мне, спасло меня сегодня в бою! Пуля пролетела выше меня на миллиметр и врезалась в березу, а другая пуля чуть царапнула меня по щеке и пролетела мимо! Уж не знаю, куда она там ударилась, я в это время думал о другом. Я как раз взял на мушку одного из этих собак! Попал, знаете ли!

Да нет, наверное, не знаете. Это, оказывается, так трудно выстрелить в человека... Ведь у него там, в его фашистской Германии, осталась мама или сестра, которые ждут его... При всей моей ненависти к этим зверям-фашистам, я никак не могу представить слезы на глазах его матери и детей... Они, наверное, так же проклиняют сейчас нас... И все же им нет прощения! Представляете, мы пошли в атаку и рядом со мной бежал наш Игорь... Ты помнишь ведь его? Из сиротской семьи, которому мы часто помогали... На него страшно смотреть... Руку ему прострелили почти сразу же, да он вроде и внимания не обратил... Огонь в глазах... А потом в голову... Думаю, не выживет... Ты там помоги его семье... Представляю, как им теперь трудно... Ведь больше особо взрослых в их семье нет... все теперь на Рите... Бедная девочка.

И все же я очень буду стараться приблизить конец этого фашистского зверя, чтобы наконец встретить вас и обнять всех! Все время думаю о вас... Как вы там, без меня? Вы уж пишите там почаще... Ваш Дима.

Валенька!

Пожалуйста, прочитай это письмо сама сначала! Может быть, то, что я пишу, не стоит читать детям... Только на твое усмотрение.

Валенька, милая Валенька, как мне тебя сейчас не хватает! Я хочу видеть тебя! Дети, заботься о них, я хочу, чтобы они выросли хорошими и добрыми!

Валенька, дорогая, только не волнуйся и держись! На почту ходи сейчас только сама! Скоро придет еще одно письмо, но тогда меня может уже и не быть... вот об этом-то и придет это ужасное письмо, сложенное треугольником! Не показывай его детям, они должны верить в чудо, а когда они подрастут, скажи им все... и главное помни... ты вспоминай обо мне...

Осколок снаряда попал мне в голову... после такого ранения немногие здоровые люди живы остаются, ну а я... я даже и не здоровый, а так...

Ты, Валенька, только знай – я погибал за тебя и за нашу семью! Живи, Валенька, живи! Расти детей, внуков, правнуков! Я то поди уж... да уже нет меня... помер... Прощай. Теперь уж, наверное, навсегда. Твой Дима.
